

УДК 165.42

**О. И. Нагорный**

Сумской государственной педагогической  
университет имени А. С. Макаренко

## **СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИСТИНА» И «СМЫСЛ» В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ**

*Статья посвящена соотношению понятий «истина» и «смысл» в историческом познании в частности и гуманитарном познании вообще. Утверждается тот факт, что, несмотря на то, что классическая теория истины сейчас сталкивается с рядом проблем самого понимания понятия, особенно что касается гуманитарных наук, отказываться от «истины» было бы преждевременно и неприемлемо. Акцентировано внимание и предпринята попытка проанализировать причины, затрудняющие поиск истинного знания в гуманитарном и историческом познании. Предложено переходное понятие «смысла», которое поможет сохранить ценное знание, истинность которого сейчас трудно доказать, и поможет ученым-представителям разных научных школ найти не точки противостояния, а точки соприкосновения в их позициях, временами диаметрально противоположных.*

**Ключевые слова:** истина, смысл, корреспондентская теория истины, контекст.

Истина и ее достижение является ключевой проблемой методологии любой науки, в том числе и истории. Кроме того, истина представляется сегодня как идеал современного научного исследования, недостижимый с одной стороны, но от того не менее желанный с другой. Вот уже более двух тысячелетий над прояснением сути понятия «истина» бьются выдающиеся ученые человечества, однако к какому-то единственному определению так и не пришли.

Классическая теория истины своими корнями уходит в античность. За более чем две тысячи лет само понятие истины прошло длительный процесс эволюции: под истиной понимали несокрытость (Платон), соответствие мышления и реальности (Аристотель), соответствие интеллекта и вещи (Фома Аквинский), нормативность мышления (И. Кант), «факты, которые суть то, что они суть, независимо от того, что мы предпочитаем о них думать» (Б. Рассел). На современном этапе корреспондентская теория истины находится в состоянии стагнации и некоторые философы утверждают, что мы присутствуем при ее кончине (Х. Патнем). Новые (неклассические) теории истины представляют несколько иные способы ее актуализации, находя противоречия или недостатки аргументации в классической теории, но в любом случае говорить о «кончине» этой теории еще рано [4].

Среди неклассических теорий можно отметить когерентную, конвенциональную, прагматическую, семантическую, дефляционную. Коротко остановимся на освещении одной из них как примера. Одной из таких неклассических теорий является конвенциональная теория истины, утверждающая истину как продукт гласного или негласного соглашения между участниками познавательного процесса и которая в силу различных причин более подходит к описанию истины в гуманитарных науках, в том числе и в истории. Для понимания механизма ее функционирования продуктивным оказывается понятие «научное сообщество», введенное Т. Куном. Оно состоит из исследователей с определенной научной специальностью, получивших сходное образование и профессиональные навыки. Такая группа вырабатывает свои критерии для понимания сути разрабатываемой ею научной тематики, очерчивает какие-то базовые истины и защищает этот фундамент от всякого рода посягательств до того момента, когда это станет явной бессмыслицей. И любой ученый, который дерзнет пойти против такой группы, рискует столкнуться на этом пути с серьезными трудностями.

Стоит так же отметить, что некоторые ученые призывают вообще отказаться от такого понятия как «истина» по разным причинам. На протяжении XX века понятие истины, как это ни парадоксально, вытеснялось из философии науки. Логический позитивизм заменил понятие истины понятием верифицируемости. Г. Рейхенбах пытался на место истины поставить понятие вероятности. К. Поппер рассматривает истину или как недостижимый идеал, или заменяет ее степенью правдоподобности. Т. Кун и И. Лакатос вообще не пользуются термином «истина». Наконец, П. Фейерабенд призывает выбросить истину на свалку исторических заблуждений человечества [7, с. 6].

Однако, как нам кажется, полный отказ от «истины», тем более как от заблуждения, чересчур резкий и необдуманый шаг. Последствия его довольно ярко освещает А. Никифоров [7].

Во-первых, это ведет к уничтожению ядра нашего мышления – логики, как науки о правильных рассуждениях. Именно при помощи понятия «истины» (истинности) логика поясняет, чем отличается правильное рассуждение от неправильного: высказывание «В» логически следует из высказывания «А» только тогда, когда при истинности высказывания «А» высказывание «В» всегда необходимо будет истинным. Соответственно, отказываясь от понятия истины, мы теряем способность отличать правильные выводы и рассуждения от неправильных. Правила вывода становятся подобны правилам игры, которые можно произвольно применять, отменять или видоизменять. Допускается и противоречие, которое в логике сигнализирует о том, что в наши рассуждения вкралось ложное высказывание.

Во-вторых, разрушение логики лишает смысла нашу аргументацию, дискуссии и споры. Так как основой любой аргументации является

доказательство (демонстрация того, что отстаиваемое нами высказывание логически следует из общепризнанных истинных постулатов или аксиом). Однако, если нет разделения правил вывода на допустимые и недопустимые, а постулаты нельзя оценивать как истинные или ложные, то доказать можно фактически все что угодно, однако и ценность таких доказательств будет соответствующая.

Далее, это приводит нас и к отрицанию существования любой науки, ибо все научное знание фактически и строится на системе довольно жестких доказательств с последующей проверкой того, не противоречат ли они реальному положению дел. В вышеописанном же случае для истории правомерными будут высказывания, например: «Пирамиды были построены инопланетянами, потому что они желтые», «Граф Владислав Цепеш был вампиром, потому что он родом из Румынии» и тому подобные.

Таким образом, отказ от понятия истины хоть и не лишает нас способности рассуждать, однако уничтожает разницу между рассуждением и шизофреническим бредом, между предсказанием и оракульским пророчеством [7, с. 9 - 11].

С другой стороны, было бы глупо не замечать и не пытаться каким-то образом решить те проблемы, с которыми сейчас столкнулась классическая теория познания. Как справедливо отмечает Л. Микешина «... необходимо переосмыслить основные понятия классической теории познания – рациональности, субъекта, объекта и особенно истины, наивно реалистического понимания ее объективности, «абсолютности» и «единственности»... » [6, с. 63].

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод, что вопрос «истины», ее значения и применения является крайне сложным и в одночасье (а может даже поэтому) крайне интересным.

Кроме того, если говорить о социально-гуманитарных науках, мы сталкиваемся с дополнительными трудностями. Например, осложняет ситуацию тот факт, что в анализе человеческого познания, его форм и методов эпистемология опиралась в значительной мере на естествознание. Соответственно и центральное понятие эпистемологии – понятие истины – рассматривалось в рамках этих наук. За социально-гуманитарным блоком наук право на истинное знание признали только в начале XX века, и то неохотно.

В современной науке сложилась двоякая ситуация: с одной стороны отказываться от понятия «истина» явно не следует, однако с другой стороны, оно, с нашей точки зрения, настолько глобально, что одного его явно не хватает для отражения того многообразия научных теорий и подходов, которыми пестрит современное научное знание и, тем более, жесткого разграничения их на адекватные (истинные) и неадекватные (ложные). Как нам кажется, в нынешней ситуации не хватает какого-то менее абстрактного и более приземленного (прагматичного) понятия,

которое не вытесняло бы понятие «истины», а стало своеобразным «мостиком» между истинным знанием и тем знанием, которое только готовится пройти проверку подлинности. Без этого «мостика» мы рискуем потерять множество интересных мыслей, которые в будущем, несомненно, могли бы позитивно повлиять на развитие науки, однако не выдержали испытания таким непререкаемым авторитетом как «истина».

Таким понятием вполне может стать понятие «смысла».

В отличие от понятия «истины», которая с древних времен интересовала ученых и мыслителей, серьезный интерес к «смыслу», как к философскому понятию, появился лишь в начале XX века. Как справедливо отмечает А. Кравец в своей работе «Теория смысла Ж. Делеза: pro и contra», тема смысла лежит на пересечении многих философских направлений: герменевтики, экзистенциализма, постмодернизма. Кроме философии, проблема смысла также интересует такие науки как логика, лингвистика, психолингвистика, когнитивистика. Таким образом, проблема смысла становится неким нервом современной исследовательской мысли, нераспутанным узлом, за отдельные нити которого ухватились представители различных научных направлений [3, с. 227].

В большинстве общенаучных, философских и лингвистических словарей смысл определяется как синоним значения. Ныне существуют две принципиально различающиеся между собой традиции использования понятия «смысл». В одной из них смысл выступает как полный синоним значения; эти два понятия взаимозаменяемы. Во второй традиции понятия «смысл» и «значение» образуют более или менее выраженную концептуальную оппозицию.

Герменевтика стала первой теоретической парадигмой, в которой понятие смысла возникло как научное, не совпадающее с понятием значения. Пожалуй, первое понимание смысла мы обнаруживаем у Матиаса Флациуса Иллирийского (XVI век). На вопрос: имеет ли слово один смысл или много, он отвечает, что вне контекста слово смысла не имеет; в каждом конкретном контексте смысл однозначен. Таким образом, проблема смысла сводится к проблеме контекста. Понятие контекста, введенное М. Флациусом в концептуальный аппарат герменевтики, позволило, пожалуй, впервые разделить понятия значения и смысла как не синонимичные. Дальнейшие изыскания представителей герменевтики (Г. Фреге, К. Льюиса и др.) были направлены на выяснение соотношения понятий «смысл – значение».

Другим проблемным контекстом, в котором понятие смысла вошло в гуманитарные науки, стала проблематика феноменологического анализа сознания, представленная работами основателя феноменологической парадигмы Э. Гуссерля и его учеников и последователей: Г. Шпета, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра и др. В работах Э. Гуссерля проблема соотношения значения и смысла неоднозначна; четкое их

различение отсутствует, и употребляются эти два понятия иногда синонимично, иногда не совсем. Источником, приписывающим смысл вещам, является сознание. Г. Шпет расширяет учение своего учителя и разделяет смысл на смысл *an sich* (сам по себе), выражающий определительную квалификацию предмета, смысл *in sich* (в себе), выражающий способы его данности, и смысл *for sich* (для себя), внутренний смысл предмета. К пониманию смысла как объективной сущности вещей, объекта, специально направленного особого познания, склоняется и другой ученик Гуссерля, М.Хайдеггер. Если Г. Шпет и М. Хайдеггер используют понятие смысла в контексте проблемы познания внешней реальности, то К. Ясперс говорит о смысле преимущественно как о понятии, характеризующем взаимосвязь психических явлений в душевной жизни человека, в его «личностном мире». Смысл, по К. Ясперсу, предмет не объяснения, а понимания.

Третий контекст употребления понятия смысла в гуманитарных науках связан с проблематикой экзистенциального смысла человеческого бытия. Видный представитель экзистенциальной философии П. Тиллих в своей наиболее известной работе «Мужество быть» отмечает, что человек есть человек лишь потому, что он обладает способностью понимать и формировать свой мир и самого себя в соответствии со смыслами и ценностями.

Четвертый контекст употребления понятия смысла в гуманитарных науках подразумевает постановку проблемы смысла человеческих действий и других невербальных проявлений. Это направление репрезентируется работами В. Дильтея, Э. Шпрангера и М. Вебера. В. Дильтей утверждал, что понять человека возможно только через понимание смысла его жизненных проявлений в физических, внешне объективированных формах. Для М. Вебера смысл является ключевым понятием в понимании не только человеческих действий, но и человеческой культуры.

Если попытаться обобщить все многообразие трактовок смысла, можно обратить внимание на две основных черты, объединяющие практически все эти трактовки. Смысл (будь то смысл текстов, фрагментов мира, образов сознания и т.д.) определяется, во-первых, через более широкий контекст; во-вторых, через интенцию. Контекстуальность и интенциональность следует рассматривать как два основополагающих атрибута смысла, инвариантных по отношению к конкретным его пониманиям и концепциям [1].

В современной философии наблюдается тенденция соотношения понятий «истины» и «смысла». Так, Т. Деткова в своей диссертационной работе четко противопоставляет понятия истины и смысла по ряду критериев:

1) истина составляет предмет и цель познания, и соответственно, обладает гносеологической природой, в то время как смысл – предмет онтологического сознания;

2) истина не совпадает с понятием бытия, и относится не к бытию, а к суждению разума, выражено смысл как субстанция. Смысл как субстанциональное образование принадлежит бытию;

3) истина не обладает автономной свободой, ее свобода зависит от воления бытия, смысл как открытое бытие абсолютно свободен [2, с. 15].

Совершенно другой поход к соотношению понятий «истина»-«смысл» предлагает Л. Маркова. В своей работе «Истина в классической и неклассической науке» [5] она задается вопросом, на каком основании мы называем теории прошлого научными (более того, говорим об истории науки), если они опровергнуты последующим развитием науки? В неклассической науке множество теорий и все они равноправны, в том числе, очевидно, и с точки зрения их истинности. Выходит, что каждая из них по-своему и не так как другие, однако правильно говорит об одном и том же предмете исследования, что, несомненно, ведет нас к релятивизму. Получается, что или любая наука в своей истории и современности состоит сплошь из ложного знания (кроме одной истинной теории), или же все теории (как прошлого, так и современности) истинны, и соответственно истин столько же, сколько этих теорий. В таком случае истина выступает мимолетным свойством знания, которым непродолжительное время (до ее опровержения) обладает господствующая на данный момент теория.

Тут мы и обращаемся к понятию смысла, ибо теории прошлого, хоть и ложны с точки зрения классической науки, однако не лишены смысла, с ними можно спорить, и с этой точки зрения их можно считать научными. Так же дело обстоит и с множеством не опровергнутых теорий неклассической науки: они не лишены смысла, следовательно – научны. При этом субъект каждой из таких теорий продолжит считать свою позицию истинной, однако к оппонентам будет относиться как к партнерам не потому, что считает и их теорию истинной, а потому, что она обладает смыслом [5, с. 50 - 51].

Результаты такой переориентации, по нашему мне нию, будут чрезвычайно продуктивны для любой из ныне существующих наук. Это всячески поспособствует наличию здравого плюрализма в рамках каждой из них, ведению конструктивного диалога и спора с оппонентом не как с идеологическим врагом, стоящим на диаметрально противоположных позициях, а как с партнером, который занимается изучением такой же или схожей проблематики, однако старается делать это по-своему.

Не будет преувеличением сказать, что подобная переориентация в исторической науке и историческом знании жизненно необходима в силу хотя бы того факта, что редко в какой науке накал страстей между оппонентами, представляющими разные точки зрения на схожие проблемы, достигает такой остроты. Такая ситуация складывается в силу разных причин. Вот некоторые из них.

Всем нам прекрасно известно, что историю интересуют, прежде всего, какие-то частные события и явления, которые существенным образом повлияли на развитие человеческого общества. И дать таким событиям единственно истинную оценку часто очень сложно (и нужно ли?). Примером такого события может стать война. Во-первых, каждого конкретного историка могут интересовать разные аспекты данного события (кто-то интересуется развитием военного дела во время войны, кого-то заботит судьба беженцев и военнопленных, а кто-то изучает закулисные политические игры во время конфликта). Во-вторых, освещение данного события противоборствующими сторонами (в том числе и учеными-историками) будет совершенно разным, часто диаметрально противоположным. Кроме того, объект изучения историка принадлежит прошлому, и «доставить» его оттуда или же самому «посмотреть» на него в большинстве случаев не представляется возможным, что порождает новые трудности. Например, за неимением фото- и видеоматериалов (которые, к слову, только недавно появились в распоряжении историка как исторический источник) мы пользуемся историческими источниками, созданными людьми, которые, как и объект истории, в большинстве случаев принадлежат прошлому, и обсудить с ними все тонкости данных источников не представляется возможным. С другой стороны, эти источники подвержены тем же проблемам, что и источники современного периода: очень часто они дают совершенно разные трактовки одних и тех же событий.

История намного сильнее других наук социально-гуманитарного блока подвержена влиянию общества. Официальная идеология, политика все чаще пытается использовать историю в своих корыстных целях, что, естественно, не идет на благо последней. Кроме того, исторические события задевают сильные чувства (патриотические, религиозные) десятков и сотен тысяч людей, а, следовательно, общественное мнение так же может искажать историческую действительность, придавать собственно историческим спорам религиозную, политическую, патриотическую, идеологическую окраску.

Негативным фактором в современной исторической науке, с нашей точки зрения, является формирование непререкаемых позиций по некоторым вопросам мировой истории. В истории великих революций, колониальных и мировых войн, хронологических исследованиях существует так называемая общепринятая точка зрения на событие в целом или его отдельные аспекты. Может ли она быть ошибочной? Естественно. То, во что верит большинство, не всегда является истиной, что неоднократно проявлялось в истории науки. Каких-то две тысячи лет назад большинство верило, что Земля плоская. Тысячу лет назад человечество было убеждено, что наша планета является центром Вселенной. Эти, с позиции нынешнего знания, ошибочные истины были опровергнуты только благодаря тому, что их подвергли сомнению.

И неизвестно, что было бы с современной наукой, если бы такое сомнение было запрещено.

Нельзя отрицать того факта, что уже во второй половине XX века появлялись попытки пересмотра или даже отрицания как общепринятого взгляда на исторический процесс в целом (Новая хронология Фоменко-Носовского), так и отдельных его аспектов (пересмотр истории Великой французской революции, Второй мировой войны). Однако эти ученые были осуждены как историками, стоящими на общепринятых позициях, так и общественным мнением. Вступать с ними в полемику по поводу «общеизвестных» или «общепринятых» фактов никто не желал и не желает. Тем не менее, было бы глупо утверждать, что их научные изыскания (или их часть) не обладала смыслом, и просто отмахиваться от них было бы неправильно.

В таких условиях, по нашему глубокому убеждению, понятие смысла жизненно необходимо исторической науке, так как существенно упрощает ведение диалога или дискуссий даже между непримиримыми на первый взгляд соперниками. Оно в силах снять чрезмерную конфронтацию среди историков, стоящих на диаметрально противоположных позициях, дать им возможность воспринимать друг друга не как идеологических соперников, а как партнеров, занимающихся схожими вопросами, вникнуть в аргументацию своего оппонента, взаимно обогатить отстаиваемые позиции позитивными находками в конкурирующей теории. При этом позиции ни одного из ученых не пострадают, так как каждый продолжает считать свою позицию истинной, однако позиция оппонента уже не является ложью, если она обладает смыслом.

Суммируя все вышеизложенное, можно сказать, что в будущем мы, очевидно, будем наблюдать смещение понятий «истины» и «смысла» как непосредственно в историческом познании, так и в познании вообще. Вполне возможен такой вариант, когда «истина» займет почетное место идеала в научном познании, желанного и недостижимого, в то время как «смысл» займет свою нишу, будучи менее возвышенным и более прагматичным понятием. Смысл поможет нам сохранить то полезное знание, истинность которого еще сложно доказать. Понятие «смысла» поможет ученым, стоящим на диаметрально противоположных позициях, увидеть в своих соперниках не идеологических врагов, а партнеров, занимающихся изучением одних и тех же или схожих проблем, которые делают это по-своему, но это никак не означает, что они делают это неправильно.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Бэкмология: Бизнес. Экономика. Менеджмент. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://becmology.ru/blog/general/sense.htm>
2. Деткова Т. Ю. Онтологический и философско-антропологический аспекты смысла: природность феномена и феноменальность природы: Автореф. Дис. докт. философских наук. – Омск, 2006. – 22 с.

3. Кравець А. С. Теория смысла Ж. Делеза: pro и contra // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 227 – 257.

4. Лебідь А. Е. Кореспондентна теорія істини: переваги і недоліки / А. Е. Лебідь // Філософія науки: традиції та інновації. – 2013. – № 1 (7). – С. 61-69.

5. Маркова Л. А. Истина в классической и неклассической науке / Л. А. Никифоров // Понятие истины в социогуманитарном познании / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. А. Л. Никифоров. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 5-29.

6. Микешина Л. А. Релятивизм как эпистемологическая проблема / Л. А. Микешина // Эпистемология и философия науки. – 2004. – №1. – С. 63.

7. Никифоров А. Л. Понятие истины в теории познания / А. Л. Никифоров // Понятие истины в социогуманитарном познании / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. А. Л. Никифоров. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 5-29.

### РЕЗЮМЕ

**О. І. Нагорний.** Співвідношення понять «істина» і «смысл» у історичному пізнанні.

*Статтю присвячено співвідношенню понять «істина» і «смысл» у історичному пізнанні зокрема та гуманітарному пізнанні взагалі. Стверджується той факт, що, не дивлячись на те, що класична теорія істини наразі стикається з низкою проблем самого розуміння поняття, особливо що стосується гуманітарних наук, відмовлятися від «істини» було б передчасно та неприйнятно. Акцентовано увагу та здійснено спробу проаналізувати ті причини, що ускладнюють пошук істинного знання в гуманітарному та історичному пізнанні. Запропоновано перехідне поняття «смыслу», яке допоможе зберегти цінне знання, істинність якого наразі важко довести, та допоможе вченим-представникам різних наукових шкіл знайти не точки протистояння, а точки дотику у їхніх позиціях, до того часом діаметрально протилежних.*

**Ключові слова:** істина, смысл, кореспондентська теорія істини, контекст.

### SUMMARY

*The article is dedicated to the ratio of the concepts of «truth» and «meaning» in historical knowledge in particular and humanities in general. The fact is that, despite the fact that the classical theory of truth is currently facing a number of problems of understanding the concept, especially with regard to the humanities, to abandon the «truth» it would be premature and inappropriate. The attention was paid and attempt was made to analyze the reasons that complicate the search for true knowledge in human and historical knowledge. A transitional concept of «meaning», which will help to keep valuable knowledge, the truth of which is currently difficult to prove, and will help scientists, representatives of various scientific schools to find not the point of conflict but the common ground in their positions, which has been opposite before.*

**Key words:** truth, meaning, correspondence theory of truth, context.